

В последний раз Марко Коскинен видел паникующих техножрецов, когда Зимнее Солнце открыл огонь по Лунной Сини на тренировочных палубах. Эта паника ни в чём ей не уступала, но не было видно причины разразившейся катастрофы. Он остановился в лазарете, пытаясь выяснить, что заставило лечивших принцепсов магосов, объявить тревогу по всему легию.

На первый взгляд всё выглядело, как обычно. Оба принцепса плавали в заполненных жидкостью саркофагах, изредка шевелясь в гибернационной коме. Но затем Коскинен увидел, что мозговая активность на мониторах скачет как сумасшедшая нейронной деятельностью. Такие показатели вполне можно было ожидать в яростной многосторонней схватке, но не в перерыве между внедрением.

- Что, во имя Старокровных, происходит? – воскликнул он.

Никто из техножрецов не обратил на него внимания, но Коскинен заметил Гирдрит, которая у бронестекла саркофага Зимнего Солнца лихорадочно устанавливала модуль подключения к манифольду. Он поспешил к своему принцепсу, положил ладони на тёплые стенки саркофага и почувствовал тепло биогеля внутри.

- Гирдрит, скажи мне, – приказал он. – Что происходит?

Техножрец “Луны Капиталины” покачала головой и пожала плечами. – Зимнее Солнце и Лунная Синь установили манифольдную связь между своими саркофагами.

- Что? Кто установил связь?

- Никто, они сами это сделали, – ответила Гирдрит.

- Как это вообще возможно?

- Признание: я не знаю. Думаю, происходящее покажет нам, как мало мы знаем о способностях принцепсов.

Коскинен посмотрел на саркофаг Лунной Сини, где плавала сморщенная фигура Эрикса Скамёльда, его усечённый силуэт напоминал старика в форме зародыша: оплавленные руки и ноги прижаты к груди, а вытянутый череп придавал ему сходство с птицей-падальщиком. Проводная оптика тянулась из глазниц, а позади зашитых век мерцал сине-белый свет.

- Они вместе в манифольде?

- Всё указывает на это, – сказала Гирдрит.

Дверь в лазарет хлопнула, и вошёл Йоаким Бальдур. Коскинен увидел, как он достал оружие и

положил руку на полированную ореховую рукоять стабпистолета.

– Итак, Зимнее Солнце решил закончить начатое? – спросил Бальдур, направив пистолет на саркофаг Арло Люта.

Коскинен мгновенно встал между Бальдуром и принцепсом, вытянув одну руку, а пальцем другой коснувшись спускового крючка своего пистолета.

– Полегче, Бальдур, – сказал он. – Подумай, что делаешь. Ты направил оружие на своего альфу. Этого достаточно, чтобы стереть тебе разум и превратить в оружейного сервитора. Ты этого хочешь?

– Альфа пытается убить моего принцепса, – огрызнулся Бальдур.

– Теперь твой принцепс – Зимнее Солнце или ты забыл?

– Мой принцепс – Лунная Синь. Кто стал “Разбойником” – тот останется “Разбойником” навсегда.

Коскинен покачал головой. – Нет, теперь ты – “Владыка войны”, Йоаким.

Оружие дрогнуло, но на взгляд Коскинена всё ещё оставалось слишком близко к саркофагу Зимнего Солнца. Гнев в глазах Бальдура не исчез и Коскинен искренне надеялся, что ему не придётся стрелять. Бальдур не опустил пистолет, но его внимание переключалось между саркофагами принцепсов. Если бы Коскинен захотел убить его, то это не составило бы труда, но стрельба в модератуса равносильна кощунству над одной из незаменимых фресок Легио Титаникус на Терре.

К счастью Коскинену не пришлось убивать.

Дверь лазарета снова открылась, и вошли пилоты “Псов войны” легио: Элиас Хяркин в неизменном щёлкавшем и потрескивавшем экзоскелете, и Гуннар Винтрас в парадной форме.

Хяркин бросил взгляд на Йоакима Бальдура и произнёс. – Опустить чёртово оружие, проклятый дурак.

Бальдур кивнул и подчинился, уступив, когда принцепсы “Псов войны” взяли ситуацию под контроль. Коскинен видел, что он не поставил оружие на предохранитель и не убрал в кобуру, поэтому и сам не сдвинул палец со спускового крючка пистолета.

– Ты! – выпалил Хяркин, подзывая Гирдрит щелчком бронзовых пальцев-кронциркулей. – Фронт и центр, что, во имя Омниссии, здесь происходит?

- Мы не уверены, принцепс, - ответила Гирдрит. - Манифольдная связь между саркофагами была установлена девять целых три десятых минуты назад и...

- Девять целых три десятых минуты назад? И вы ждали так долго, прежде чем вызвать нас?

- Не было никакой необходимости, - пояснила Гирдрит. - Связь казалась совершенно спокойной с параллельным потоком данных между Зимним Солнцем и Лунной Синью.

- Что изменилось? - спросил Хяркин, пока Винтрас изучал данные на планшетах, прикреплённых к саркофагу каждого принцепса.

- Признание: мы не знаем. Переход нервной активности от состояния покоя до показателей, сопоставимых с сильным стрессовым конфликтом, оказался мгновенным и непредвиденным.

- Они сражаются, - произнёс Гуннар Винтрас, просматривая мозговую волновую активность старших принцепсов. - Они пытаются убить друг друга.

Принцепс "Амарока" выглядел скорее удивлённым, чем напуганным и громко рассмеялся.

- Император побери, они сражаются, - продолжил он. - Похоже, Зимнее Солнце решил закончить начатое на тренировочной палубе.

- Нет, - возразила Гирдрит. - Эта возможность исключена.

- Вот как, - сказал Винтрас. - И почему же?

- Потому что инициатором манифольдного подключения был Лунная Сень.

Они столкнулись, словно два огромных валуна, которые врезались друг в друга с такой силой, что должны были разлететься в пыль и каменные осколки. Гром от их столкновения отразился от окружающих арену замёрзших елей и прокатился вверх и вниз по склону горы, словно перезвон колокола Потерянных душ на вершине Башни героев.

Они оба упали от удара, но первым встал Лют. Он сцепился со Скамёльдом, рассекая плоть. Лют порезал мраморную кожу противника когтями и зацепил бронзовую гривну на шее Скамёльда. Он зарычал и рванул её на себя.

Чувствуя опасность, Скамёльд ударил Люта кулаком в лицо. Лют упал и Скамёльд сорвал гривну с шеи под скрип перекрученного металла. Затем подобно лавине он бросился сверху на Люта, его фигура мерцала, напоминая рычавшего в прыжке волка.

Сама гора задрожала, когда Лют перекатился и взвыл от гнева. Он ударил кулаком в живот, выпустив когти, а Скамёльд впился зубами чуть ниже его горла. Капли горячей крови брызнули в разные стороны. Лют врезал локтем Скамёльду по ребрам, и Лунная Синь шагнул в сторону, переводя дух от боли, дав время Люту выпрямиться.

Падал снег, шея и плечо Люта стали мокрыми от крови из нанесённых клыками Скамёльда ран. Он почувствовал, как от запаха крови выросли зубы.

На мгновение два волка-принцепса отступили, кружа по арене и восстанавливая дыхание.

Светившиеся глаза во тьме заблестели, одобряя яростный поединок.

У Скамёльда текла кровь из длинной раны в животе, но Лют знал, что ему досталось сильнее. Рана в шее оказалась глубокой, а грудь пылала и болела при дыхании. Несмотря на это Лют усмехнулся, чувствуя, что волк внутри забирает боль и применяет ему на пользу.

Отдать Скамёльду инициативу было ошибкой.

Лют прыгнул на Скамёльда, пока тот не понял, как тяжело ранен противник. Свирепое и ужасное столкновение сбило претендента с ног. Он устремил когти в открытую шею Скамёльда, но Лунная Синь сбросил его и оба принцепса снова сцепились. Фонтаны снега разлетались во все стороны от их борьбы, брызгая и падая туманом блестящих прозрачных капель.

Скамёльд разорвал рану в животе Люта, но мгновение спустя, после очередного выброса снега оба принцепса резко выпрямились, словно дуэлянты. Лют хлестнул по лицу Скамёльда, но Лунная Синь защищался столь же жёстко. Мощь ударов намного превышала возможности их смертных тел, словно "Императоры" сошлись в титанической битве.

Когти рассекали плоть, зубы ломались о зубы, дыхание превратилось в рёв. Снег арены стал красным и был втоптан на метры в багровую грязь.

Скамёльд был крупнее и сильнее Люта и пока бой складывался в его пользу. Силуэты обоих принцепсов менялись между человеком и волком, словно у мифических оборотней посередине превращения. Ни один человек не мог полностью выпустить волка, потому что никто не возвращался после подобного подчинения. Позволить ему проявиться – тот максимум, на который они оба отважились.

Лют тяжело дышал. У обоих принцепсов были изранены плечи, руки и шея, но раны Люта оказались глубже. Скамёльд жаждал стать альфой, но Лют знал, что он ещё не готов вести воинов Стаи. Он задумался, не гордость ли стоит за нежеланием уступить контроль над Стаей, пока он не станет слишком слабым, чтобы вести её.

Нет, решил Лют, глядя в жёлтые глаза Скамёльда.

Лунная Синь был убийцей и когда-нибудь станет великим лидером.

Но этот день ещё не настал.

По крайней мере, Лют надеялся на это.

Скамёльд кружил по растаявшему кровавому снегу, высматривая слабое место противника. Лют видел, как дикая усмешка появилась на его лице, когда он нашёл. Лют хромал, левая рука неподвижно висела вдоль тела. Лют видел, как Скамёльд обдумывал последнее столкновение и обнажил клыки, когда понял, что старший принцепс не наносил сильные удары левой рукой. Сокрушительный удары, которые он обрушивал всего несколько секунд назад, теперь почти не отличались от нежных шлепков.

– Уступите Стаю мне, – произнёс Скамёльд, красная пена показалась в уголке его челюсти. – Вам незачем умирать.

– Я и не собираюсь умирать.

Скамёльд рассмеялся. – Посмотрите на кровь на земле, Арло. Моей там мало. Вам не победить. У вас нет руки. Сухожилия в локте и плече ни на что не годны.

– Я и одной рукой побью тебя, Эрикс.

– Хорошо, хорошо, у вас ещё есть боевой дух, – усмехнулся Скамёльд. – Победа – не победа, если одержана над противником, который уже смирился со смертью.

– Тогда иди и прикончи меня, – произнёс Лют, опустив плечо.

Скамёльд атаковал, обрушив удары на Люта справа и слева – каждый удар был подобен молнии в небесах и раскату грома. Лют отступал шаг за шагом, низко присев под ливнем ударов усмехавшегося Лунной Сини, которые он больше не мог парировать.

Но Скамёльд не видел, что он отступал только в поисках устойчивой опоры под ногами. Лют почувствовал, что ступает больше не по снегу, а по коренным породам чёрно-серебряной горы. Он напряг ноги, словно бегун в стартовых колодках, и выжидал свой шанс.

Этот шанс наступил, когда Скамёльд вырос над ним, триумфально взревев и вскинув когти, собираясь добить ослабевшего альфу.

Лют контратаковал.

Подобно лавине, сокрушавшей всё в потоке опустошения и набравшей силу больше чем за тысячу миль голого склона, Лют оттолкнулся и нанёс свирепый удар по раскрывшемуся Скамёльду.

Это был чудовищный, ужасный, смертельный удар. Когти Люта пробили туловище Скамёльда и разорвали всю правую половину грудной клетки. Сломанные кости закружились в воздухе, кровь испачкала снег на десять метров.

Скамёльд упал на колени перед Лютом, кровь лилась из распоротого живота и мерцавшее сине-розовое мясо разорванных лёгких медленно сочилось наружу. Лунная Синь неожиданно оказался беспомощным и готовая оборвать жизнь рука Люта замерла перед горлом Скамёльда.

- Сдаёшься? – резко спросил Зимнее Солнце.

- Сдаюсь, – кивнул Лунная Синь.

- Я – Альфа?

- Вы – Альфа.

- Тогда Стая снова едина, – произнёс принцепс Лют, и чёрно-серебряная гора исчезла.

- Хотите выпить? – спросил Робаут, наливая себе хорошую порцию спиртного, которое он приобрёл у купца по имени Гослинг в торговой экспедиции вокруг скоплений Иабал и Ивбал. Жидкость была бледно-бирюзовой, что всегда казалось Робауту странным, но он не мог спорить со вкусом, напоминавшим амброзию из залов древних богов Макрагга.

- Нет, спасибо, – ответил Таркис Блейлок. – Подозреваю, что молекулярное содержание напитка вступит в плохую реакцию с моей внутренней химией.

Фабрикатус-локум появился на “Ренарде”, когда Робаут собирал детали и инструменты с магосом Павелькой для ремонта повреждённых грав-саней. Полуразрушенные обломки лежали, ржавая, в углу грузовой палубы, и их плачевное состояние стало занозой в сердце после возвращения с Катен Вениа.

Павелька неоднократно напоминала ему данные во время бегства от кристаллических существ обещания, в которых он клялся починить сани, и предупредила, что отказ сдержать слово равносителен богохульству. Робаут едва не рассмеялся над ней, но передумал, увидев, что Силквуд поддерживает магоса с серьёзным выражением на лице и тяжёлым гаечным ключом на плече.

Затем пришёл магос Блейлок и спас его от послеобеденного ручного труда.

Вскинув руки с выражением “что я могу сделать”, он оставил Павельку и Силквуд, и повёл Блейлока и его кружок карликов по “Ренарду” в свою каюту на верхних палубах. Сейчас, с выпивкой в руке, он начал задумываться, правильно ли поступил, покинув грузовые палубы.

– И так, чем обязан удовольствию видеть вас, Таркис? – спросил Робаут, сев за роскошный стол из красного дерева и делая глоток.

– Полагаю, это я получу удовольствие, – ответил Блейлок, перебирая механическими руками перед собой, как человек, любящий сообщать плохие новости.

– Звучит зловеще.

– Для вас возможно.

Робаут поставил стакан на стол рядом с компасом астронавигации, который он забрал из обломков “Наставника”. Он заметил, что стрелка дрожала, покачиваясь из стороны в сторону, хотя начиная с путешествия по Шраму Ореола она показывала устойчивый курс. Фабрикатус-локум кивнул в сторону памятных подарков и сувениров, которые Робаут повесил на стены каюты: благодарности, розетты, лавры и гололитическая камея с Катен, девушкой, которую он давно оставил.

– В прошлый раз, когда я пришёл к вам, меня больше всего впечатлили почётные грамоты, которые вы заработали в своих путешествиях, – произнёс Блейлок.

– Нет, не впечатлили, – сказал Робаут. – Вы подражали человеческому поведению и сразу после этого попросили отдать катушку памяти “Томиоки”. Точно как и сейчас, поэтому предположу, что вы собираетесь попросить меня о какой-то услуге, которую я, вероятно, не пожелаю вам оказать .

– В этом вы ошибаетесь, господин Сюркуф.

– Тогда переходите к делу, Таркис.

Блейлок кивнул, словно он был разочарован, что Робаут не стал тянуть время.

– Хорошо, – произнёс он, обошёл стол и остановился перед каперским свидетельством Робаута. Он долго смотрел на него, а рука Робаута тем временем скользнула к верхнему ящичку стола, пальцы быстро набрали код и открыли замок. Он внимательно следил за стоявшим к нему спиной Блейлоком, пока открывал ящичек.

- Каперское свидетельство – могучий артефакт, – сказал Блейлок, снимая позолоченную рамку со стены. – В правильных – или в неправильных – руках он может стать мощным оружием. С таким документом человек может создать собственную империю среди звёзд. Или избежать множества... бюрократических сложностей, в которых погрязнут меньшие торговые флоты.

- Истинная правда, Таркис, – произнёс Робаут, засунув руку в ящик. – Это – единственный положительный момент службы на “Наставнике”. Мой послужной список сыграл большую роль в решении офицеров Бакки, что я достоин такого свидетельства.

- Да, ваш послужной список, – сказал Блейлок, снова повернувшись к Робауту. – Очень впечатляющий перечень отважных свершений, образцового поведения и правильных связей. Некоторые назвали бы это превосходной репутацией, не так ли?

- Возможно, – ответил Робаут, вытаскивая руку. – Но превосходство – путь всех жителей Ультрамара. Вы обидели меня, если бы думали, что я согласен на меньшее. Но хватит танцев, Таркис, я знаю, зачем вы здесь.

- И зачем же? – спросил Блейлок, положив рамку с каперским свидетельством между ними.

Робаут посмотрел на скрытое алым капюшоном лицо Блейлока, только мерцание изумрудной оптики давало хоть какие-то визуальные подсказки настроению магоса. Он поднял предмет, который достал из ящичка стола, и убрал длинную сигару в нагрудный карман своего жилета.

- Итак, вы знаете? – спросил он.

- Да, господин Сюркуф, – ответил Блейлок. – Я знаю, что каперское свидетельство сегментума Пацификус – фальшивое. Очень умелая подделка, в подлинность которой я почти поверил, но всё же подделка. Юридически вы такой же вольный торговец, как и я.

- Иными словами у меня нет официальной бумажки, которая разрешает мне делать то, что я делаю. И кому какая разница?

- Вы нарушили множество законов, как Имперума, так и Механикус, – произнёс Блейлок, словно серьёзность преступлений являлась само собой разумеющейся. – Вы желаете, чтобы я перечислил их все?

- Император, нет! Это займёт целую неделю. Ну и что же вы собираетесь теперь делать?

Блейлок взял каперское свидетельство со стола и сказал:

- Я отнесу его архимагосу Котову и позволю ему решить вашу судьбу.

- Валяйте, - сказал Робаут. - Какая к чёрту разница, в конечном счёте? Мы на другой стороне галактики за пределами Империиума и любого закона, которым вы хотели бы меня наказать. Я привёл вас сюда, и вам не стоило бы забывать это прежде чем давать волю своему высокомерию.

- Я ничего не забываю, господин Сюркуф. И меньше всего оскорбления и снисходительность.

- Тогда делайте, что хотите.

Искры летели от каждого удара молота, освещая затянутую дымом кузню пульсирующими вспышками. Танна не был технодесантником, но он знал, как обращаться с молотом и выковать цепь. Каждого Чёрного Храмовника учили чинить цепи, которые связывали оружие с владельцем, и хотя прошли десятилетия с тех пор как Танна работал с металлом на наковальне, это было из тех умений, что однажды изученные никогда не забывались.

Кузницы магоса Тарентека были хорошо оборудованы и оснащены, но принадлежали Механикус. Слуги и рабы, обитавшие в освещённой пламенем сводчатой кузне, воспротивились появлению космических десантников, но одного взгляда Танны и Варды хватило для испуганного бегства.

Из тлеющих печей вырывались горячие выхлопные газы, поддерживая почти вулканическую температуру в кузне, гигантская шестерёнка в дальнем конце зала неторопливо поворачивалась под звуки скрежетавшего металла. Огромную цепь со звеньями в метр толщиной обернули вокруг зубьев шестерёнки, она поворачивалась через равные звонкие интервалы - перемещая неизвестно что неизвестно где. Из установленных под потолком аугмитов доносилось трескучее шипение бинарного кода. В тених парила стайка щедро смазанных маслом сервачерепов, готовых служить Механикус.

Время от времени они приближались к космическим десантикам и начинали бормотать на лингва-технис, Танна полагал, что они предлагали помощь, хотя скорее их неразборчивая речь напоминала пренебрежительные комментарии о его кузнечных навыках. Он отмахивался каждый раз, но они продолжали возвращаться.

Чёрный меч чемпиона Императора покоился на колёсном верстаке около наковальни, под благословенный клинок не забыли положить промасленную ткань. Варда стоял на коленях рядом с наковальней, положив на неё разорванную цепь.

Танна взмахнул молотом, когда Варда потянул раскалённый тугой металл.

Металл ударил о металл. Полетели искры.

Цепь повернулась, вставили другое звено, и молот ударил снова.

Обнажённый по пояс чемпион Императора был похож на кулачного борца древности, подтянутого, обладавшего мощной мускулатурой и едва сдерживавшего желание совершить насилие.

Танна повёл плечами и опустил молот.

– Звенья грубые в сравнение с теми, что обычно используются для чёрного меча, – сказал он, – но они – важная связь между оружием и воином. Ты и меч должны быть едиными до самой смерти.

– Сомневаюсь, что дредноут сможет её разорвать, – ответил Варда, вставляя очередное горячее звено при помощи пары длинных клещей.

– Чёрный меч – часть тебя, Варда. Часть всех нас. То, что кристаллические существа отрубили его от твоего запястья – дурное предзнаменование.

Варда хмыкнул:

– Всё это путешествие только из них и состоит. Что меняет ещё одно?

Танна опустил молот и ответил:

– Не говори о таких вещах легкомысленно.

– Я и не говорю, – продолжил Варда. – Я говорю то, что думаю. Как ещё ты назовёшь этот крестовый поход, если не роковым? Элий, павший во Вратах Дантиума, гибель “Адитума” и смерть Кул Гилада, что это если не поступь приближающейся к нам гибели? А теперь и Ауйдена нет, нашего аптекаря.

– Никто не переживает его смерть сильнее, чем я, – сказал Танна. – Он несколько раз спасал мне жизнь, и я неоднократно платил ему тем же.

– Все мы скорбим по нему, но я не об этом.

– Я знаю, о чём ты.

– Без аптекаря мы не сможем забрать геносемя у павших. Всё что мы потеряем здесь никогда не вспомнят.

– Мы вспомним, – пообещал Танна. – Мы будем сражаться с врагами на мирах, которые покорим во имя Его, и во славе вернёмся к флотам крестового похода.

- Ты так уверен, что мы вообще вернёмся?

- Признать поражение – богохульство против Императора, – предупредил Танна.

- Я не признаю ничего подобного, – огрызнулся Варда. – Я о том, что после того как мы погибнем здесь, наша плоть не вернётся в орден, чтобы возродиться в сердцах следующего поколения воинов. Без Ауйдена мы становимся такими же, как смертные.

- Ты говоришь “после того как мы погибнем здесь”, словно наша смерть предрешена.

- А ты не чувствуешь это? Правда?

Танна собрался отвергнуть замечание Варды, как призывавшее рок, но остановился, когда кое-что вспомнил.

- Кул Гилад однажды говорил со мной о жутком ощущении гибели, которое преследовало его начиная с Дантиума, – сказал он, – но реклюзиарх всегда был склонен к излишне эмоциональным речам после битвы.

Варда кивнул и посмотрел в сторону. – Возможно, в этот раз он был прав.

Танна услышал что-то глубоко в голосе Варды и спросил. – Ты что-то видел? Когда военные видения пришли к тебе на “Адитуме”, Император даровал тебе откровение?

Колебания Варды стали достаточным ответом.

- Что ты видел? – упорствовал Танна. – Скажи мне, брат.

- Я не знаю, что видел, – ответил Варда. – Точнее я не могу это чётко сформулировать. Я видел нас в мире молнии, где миллионы лучей света отражаются от стекла и...

Варда замолчал, его слова перебила ненависть.

- Продолжай. Говори.

- Я видел эльдарку, ту самую суку-псайкера, которая убила Элия. Я видел, что сражаюсь рядом с ней, и да простит меня Император, видел как мой клинок спас ей жизнь. Скажи, Танна, разве такое может быть правдой? Почему Он показал мне видение предательства? Какое зло должно случиться, что я стану сражаться за жизнь ксеноведьмы, которая убила Элия и нашего реклюзиарха?

Танна слышал отчаяние в словах Варды и понял причины его гнева. Получить благословение Императора и в момент апофеоза увидеть акт явного предательства, это должно рвать душу Варды, словно осколки стекла.

- Брат Варда, - произнёс Танна, поставив молот на наковальню и положив руку на макушку бритой головы Варды. - Ты был избран Императором стать Его чемпионом, и Он не дарует Своё благословение просто так. Из всех воинов, рядом с которыми я сражался за века, никого я не хотел бы видеть чемпионом Императора, кроме тебя. Считать, что ты способен на предательство, значит считать, что Император ошибся, помазав тебя. И я отказываюсь верить в это.

Варда поднял взгляд, и Танна увидел одобрение.

Танна протянул руку, но Варда покачал головой и поднялся с плавным изяществом мастера-мечника. Он взял цепь с наковальни и провёл по ещё горячим звеньям мозолистой ладонью. Удовлетворённый, он забрал чёрный меч с верстака и зажал железные оковы вокруг запястья.

Проверяя работу Танны, чемпион Императора выполнил несколько приёмов, состоявших из рубящих и колющих ударов, выпадов и контратак. Полночный клинок свистел, рассекая душный воздух кузни.

- До мастера тебе далеко, - сказал Варда, его ястребиные скулы освещали голодные утробы пылающих печей. - Но это подойдёт.

Глоссарий:

Nurpatia - Гипатия

Iabal - Иабал

Ivbal - Ивбал

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658616>